

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ / RUSSIAN SINOLOGY

Уйти красиво надо уметь. Памяти посла СССР в КНР в 1970–1978 гг. Василия Сергеевича Толстикова

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225020095

Моисеев Леонид Петрович

Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке. E-mail: leonidmoiseev1948@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 18.03.2025.**Аннотация:*

Автор в середине 70-х гг. прошлого века в качестве переводчика сопровождал посла СССР в Китае В.С. Толстикова на официальные приемы по случаю визитов в Пекин высоких зарубежных делегаций. После XX съезда КПСС в 1956 г. отношения между двумя социалистическими государствами окончательно ухудшились, что также сказалось и на работе дипломатических представительств. В самый разгар «культурной революции» в условиях оголтелой антисоветской пропаганды эти мероприятия зачастую использовались китайской стороной для грубых нападков на внешнюю и внутреннюю политику Москвы. В таких случаях послу приходилось принимать весьма непростые решения — проигнорировать китайские агрессивные выпады в адрес твоей страны, сделав вид, что выше того, чтобы реагировать на них ввиду их очевидной абсурдности, либо же демонстративно покинуть прием, тем самым ставя китайских хозяев в неудобное положение перед прибывшими гостями. В.С. Толстиков проделывал подобные демарши артистично, завоевывая искреннее уважение в дипломатическом корпусе. Спустя несколько десятилетий на саммите Шанхайской организации сотрудничества в составе российской официальной делегации автор вновь оказывается в том же зале ВСНП, где он был свидетелем мужественного поведения советского посла. Но это уже совсем другая эпоха — эпоха беспрецедентного уровня российско-китайского взаимодействия, свой вклад в достижение которого внес советский посол Василий Сергеевич Толстиков.

Ключевые слова:

Пекин, «культурная революция», посол СССР, непрекращающаяся враждебность, официальные приемы, грубые выпады, демонстративный уход, мужество и выдержка.

Для цитирования:

Моисеев Л.П. Уйти красиво надо уметь. Памяти посла СССР в КНР в 1970–1978 гг. Василия Сергеевича Толстикова // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 2. С. 131–139. DOI: 10.31857/S0131281225020095.

Пекин, середина семидесятых годов прошлого столетия. До завершения «великой пролетарской культурной революции» остается три года. После тотального хаоса ее первых лет премьеру Чжоу Эньлаю и его ближайшим соратникам с помощью армии удастся несколько нормализовать функционирование китайских государственных структур. «Великий кормчий» Мао Цзэдун еще жив, но практически недееспособен из-за прогрессирующей болезни Паркинсона. На политическом олимпе Китая пытаются любой ценой закрепить выдвигенцы-радикалы во главе с его супругой Цзян Цин, ведущей яростную борьбу за власть с премьером Чжоу. Антисоветский накал в контролируемых ею китайских СМИ непрерывно нарастает. Вот уже несколько лет как улица, ведущая к посольству СССР в северо-восточной части Пекина, официально переименована в «антире-

визионистскую» (反修路). Советский Союз объявлен не только ревизионистским, но и социал-империалистическим государством. Ему приписывается намерение уничтожить Китай. Население призывают готовиться к войне, рыть подземные убежища, делать запасы продовольствия.

Вечерами Пекин погружается в темноту — электроэнергии не хватает. Скучно освещен центр столицы — проспект Вечного спокойствия Чананьцзе и площадь Ворота небесного спокойствия Тяньаньмэнь. Сквозь тусклый свет запыленных фонарей мрачными громадами проступают старинные стены бывшего императорского дворца, в котором располагается резиденция Мао. Прямо напротив — помпезные архитектурные монстры, возведенные в пятидесятые годы к 10-летию победы китайской революции. Улицы патрулируются нарядами солдат, вооруженных карабинами с примкнутыми штыками.

Пожалуй, наиболее яркий очаг света — площадка перед главными воротами посольства СССР. Здесь фонари появились год назад после того, как китайскими властями была выслана из страны группа сотрудников дипломатической миссии, обвиненных в шпионской деятельности. Штатное освещение призвано облегчить наблюдение за въезжающими и выезжающими автомобилями посольства.

Немногочисленные — где-то около полусотни — посольства других стран и корреспондентские пункты нескольких зарубежных СМИ остаются крошечными островками относительной нормальности в искусственно возбуждаемом бесконечными политическими кампаниями многомиллионном людском море китайской столицы. Их старательно изолируют от аборигенов, за передвижением иностранцев ведется наблюдение. Несколько более вольготно себя чувствуют сотрудники посольств дружественных государств — в первую очередь Северной Кореи, Албании, Румынии, Вьетнама. Все иностранные представительства, за исключением советского, компактно сконцентрированы в новой застройке в восточном и центральном районах Пекина в двух дипломатических городках, подальше от главных китайских силовых министерств и ведомств.

Посольство СССР со времен советско-китайской дружбы первой половины 50-х гг. функционирует в специально обустроенном для него комплексе служебных и жилых зданий, раскинувшихся на уютной, похожей на парк территории в 16 гектаров в северо-восточном углу старой части города. Когда-то вся местность вокруг — как внутри городских стен, так и за ними — на протяжении более двух столетий принадлежала Русской духовной миссии. Здесь были различные церковные здания, включая Успенский храм, жилые и хозяйственные постройки, погосты, пруды. Теперь старинные городские стены снесены и сразу за оградой посольства раскинулись поля капусты. Где-то поблизости находится городской крематорий, куда на гужевых повозках свозят едва прикрытые тряпьем тела умерших. Узкие улочки вокруг посольства почти лишены зелени, одно-двухэтажные домишки в холодные зимние дни отапливаются примитивными печурками. Уголь самого низкого качества в безветренные дни, стора, образует густой смог, от которого першит в горле и слезятся глаза. С раннего утра и до позднего вечера по улицам движутся потоки велосипедистов, ощущающих себя полными хозяевами на проезжей части и неохотно уступающих дорогу редким автомобилям, водителям которых приходится непрерывно нажимать на клаксон, чтобы отвоевать себе право на проезд сквозь эту плотную людскую массу.

Самый большой тщательно оберегаемый секрет в Пекине — состояние здоровья Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Все прекрасно понимают, что смерть любого из них сразу же резко изменит ситуацию в китайской верхушке, нарушит зыбкий баланс сил между ориентирующимся на премьера консервативно-прагматическим ее крылом и рвущимися к безраздельной власти выпестованными лично Мао радикалами-хунвейбинами во главе с его женой. В начале 1975 г. в Пекине пошли упорные слухи о том, что премьер Чжоу серьезно заболел и помещен в главный военный госпиталь. Сразу после этого западные журналисты организовали наблюдение за воротами госпиталя с целью

проследить, кто из высших китайских бонз навещает премьера и на этом основании вычислить состав его сторонников.

О раскладе сил на китайском олимпе косвенно позволяют судить и торжественные официальные приемы по случаю национальных праздников или визитов в Китай высоких зарубежных гостей.

Вот и нынче вечером в огромном здании Всекитайского собрания народных представителей — китайском парламенте — должен состояться грандиозный банкет в честь прибывшего в Пекин лидера одной из дружественных стран «третьего мира». К северному входу, обращенному к Запретному городу и воротам Тяньаньмэнь, выходящим на одноименную центральную площадь китайской столицы, один за другим по широкому пандусу подкатывают люксовые китайские лимузины Хунци (Красный флаг) с высокопоставленными китайскими чиновниками. Вслед за ними подъезжают машины аккредитованных в Китае иностранных послов, также приглашенных на торжество. У входа в вестибюль застыли одетые в новенькую форму солдаты почетного караула с винтовками в руках, едва заметными движениями любопытных глаз провожающие диких инородцев (особенно их впечатляют экзотически одетые африканские дипломаты). Сверху на поднимающихся по ступеням к вестибюлю хозяев и гостей смотрят гигантские портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и И. Сталина, поддерживаемые высоченными металлическими опорами и частично закрывающие фасад здания парламента. С противоположной стороны их внимательным взглядом провожает сам Председатель Мао, чье канонизированное изображение с неизменной бородавкой на подбородке (признак мудрости в Китае) украшает почетную трибуну над воротами Тяньаньмэнь — аналог трибуны мавзолея на Красной площади (через несколько лет портреты иностранных основоположников исчезнут с главной площади китайской столицы, на которой теперь в гордом одиночестве безраздельно царит великий кормчий).

Участники банкета, пройдя вестибюль, где их предупредительно встречают сотрудники китайской протокольной службы, по мягким узорчатым коврам следуют в неярко освещенный и поэтому кажущийся бескрайним главный зал приемов и рассаживаются за большими круглыми столами, ровными рядами расставленными напротив оборудованной микрофонами трибуны. Каждый стол рассчитан на 8–10 человек, его номер указан гостям в заранее разосланных приглашениях. Зал медленно заполняется. Послы, сопровождаемые супругами, здороваются с соседями по столу. Рассадка смешанная — иностранные дипломаты разбавлены китайскими чиновниками из протокольного отдела МИДа. Их подсаживают по 2–3 человека за каждый стол. Они призваны объяснять названия подаваемых блюд, ориентировать о порядке и времени приветственных выступлений, руководить обслуживающим банкет персоналом. Пытаться поговорить о чем-то содержательном с ними бесполезно — они вежливо, но твердо уходят от обсуждения каких-либо тем, выходящих за рамки сугубо протокольной тематики. Как можно догадаться, им вменено также прислушиваться к разговорам послов, поэтому последние, умудренные опытом, ограничиваются сугубо светскими темами, предвкушая обильную вкусную трапезу и длинное скучное ритуальное действо. Все более-менее значимые присутствующие китайские официальные лица располагаются за значительно более вместительными столами в другой части зала вместе с прибывшими членами иностранной делегации, их лица в полумраке почти не различимы. Подойти к ним и поговорить невозможно. Любую подобную попытку сразу же пресечет бдительная охрана.

Наиболее почетные места в зале — напротив трибуны для выступлений. За одним из столов в первом ряду расположился посол Советского Союза в Китае Василий Сергеевич Толстиков. Он возглавляет советское посольство пятый год, прибыв в столицу КНР вскоре после исторической встречи в пекинском аэропорту в сентябре 1969 г. главы советского правительства А.Н. Косыгина и премьера Чжоу Эньлая, положившей конец вооруженным столкновениям на советско-китайской границе и ознаменовавшейся в том

числе договоренностью об обмене послами, которые отсутствовали в обеих столицах с начала культурной революции. В.С. Толстиков длительное время находился на партийных и хозяйственных постах в Ленинграде, его последняя должность в северной столице — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. Проработав несколько лет в Пекине, Василий Сергеевич, не имевший прежде какого-либо дипломатического опыта, превратился в заправского дипломата, снискав уважение местного дипломатического корпуса своей выдержкой и твердостью в нелегких условиях оголтелой непрекращающейся враждебности, окружающей возглавляемое им посольство. Как-то на обеде в резиденции испанского посла хозяин стола, испытывавший искреннюю симпатию к своему гостю, в разгар оживленной беседы с участием всех присутствующих неожиданно задал Василию Сергеевичу, очевидно давно не дававший ему покоя вопрос: что дает силы советскому послу продолжать работать в столь враждебных условиях, что его поддерживает и не позволяет пасть духом? Мгновенно воцарившаяся вслед за этим тишина свидетельствовала о том, что ответ советского посла живо интересовал всех сидящих за столом. Василий Сергеевич немного подумал и затем произнес по-русски: моя совесть. Переведенные сначала на английский, а затем на испанский языки эти два слова еще несколько минут повторялись полупшепотом всеми присутствовавшими. Видимо, для западного прагматичного сознания подобное объяснение, характеризующее личное отношение к пусть весьма ответственной, но все же, казалось бы, сугубо профессиональной деятельности, показалась неожиданным и не поддающимся какому-то рациональному объяснению. К тому же английский и испанский варианты перевода далеко не в полной мере передавали многогранное содержание русского понятия «совесть». В любом случае данный эпизод еще больше укрепил в пекинском дипкорпусе представление о советском после как о весьма неординарном человеке с немного загадочной душой.

Почетное место в первом ряду отведено В.С. Толстикову в соответствии с общепринятым дипломатическим протоколом, а не из-за какого-то расположения к нему китайских властей. Им, ясное дело, вовсе не по душе ситуация, когда на торжественном мероприятии в главном зале столицы высокий официальный представитель страны, объявленной врагом номер один Китая, располагается на виду у всего зала прямо напротив трибуны, с которой предстоит выступать одному из высших китайских руководителей. Приходится, однако, смириться — существует строгая дипломатическая норма, согласно которой послы, прослужившие в стране своей аккредитации длительные сроки, стоят в списке старшинства выше, чем их коллеги, позже них вручившие верительные грамоты. Первым среди равных считается старейшина — дуайен дипломатического корпуса, т.е. посол, находящийся на своем посту дольше других руководителей иностранных дипмиссий. В этом своем статусе он пользуется некоторыми дополнительными правами и привилегиями, в том числе имеет возможность чаще общаться с властями страны пребывания и в случае необходимости доводить до их сведения консолидированное мнение всего дипломатического корпуса. В середине семидесятых годов дуайеном в Пекине был посол Ливана, а советский посол находился в списке старшинства вслед за ним. Таким образом в случае отсутствия по той или иной причине в китайской столице ливанца функции дуайена автоматически переходили бы к послу СССР. Разумеется, подобный сценарий представлялся абсолютно неприемлемым для китайского руководства, и оно всеми силами стремилось как можно дольше удерживать ливанского посла на своем посту. Реальная опасность его отъезда замаячила после начала гражданской войны в Ливане, когда дипломаты этой страны за рубежом временно лишились финансирования. Само испытывавшее колоссальные бюджетные трудности китайское правительство пошло на беспрецедентный шаг, взяв на себя содержание ливанского посла и тем самым предотвратив его отъезд из Пекина.

Василия Сергеевича сопровождает переводчик посольства. Посол не владеет иностранными языками и предпочитает иметь на подобных мероприятиях рядом с со-

бой не супругу Елену Арсеньевну, а владеющего китайским и английским языками профессионального дипломата, присутствие которого позволяет полноценно общаться с соседями по столу, следить за содержанием выступлений, а в случае необходимости оперативно надиктовать сообщение о заслуживающих внимания моментах для отправки шифровкой в Москву. Елена Арсеньевна не возражает — она не любит скучные официальные мероприятия и так и не свыклась с ролью жены посла. Компанию советскому послу за столом составляют послы Венгрии и Перу с супругами, а также два малознакомых китайских чиновника. Роль хозяйки стола уверенно берет на себя жена перуанца. Это красивая, уверенная в себе женщина, свободно владеющая, похоже, всеми европейскими языками и чувствующая себя как рыба в воде на любом светском мероприятии. О ее прошлом любят посудачить в дипкорпусе. Говорят, что она немка из Гамбурга, где и познакомилась со своим будущим мужем. Большой фарфоровой ложкой раскладывая по пиалам соседей по столу содержимое огромного дымящегося глиняного горшка с неперменным для торжественного банкета знаменитым блюдом «монах, перепрыгивающий через стену», она с воодушевлением рассказывает о героическом революционном прошлом своего мужа и об испытанных им суровых лишениях во время партизанской войны в заснеженных Андах.

Хозяева и гости начинают трапезу. В качестве приборов используются палочки для еды и небольшие фарфоровые ложки. Тем, кто не привык к этим китайским орудиям, приносят обычные ножи и вилки. Из напитков предлагаются местное сладкое красное вино — китайцы исторически не приемлют сухие вина — и обязательный для банкетов такого уровня маотай. Это крепчайший алкоголь, считающийся самым знаменитым и самым дорогим в Китае. У него сильный сивушный запах, не выветривающийся и на следующий день. Убойный эффект этого напитка, советует В.С. Толстиков соседям по столу, можно смягчить, добавляя его в мороженое. Бесшумнодвигающиеся вышколенные официанты ставят на столы новые изысканные блюда. Китайские протокольщики расшифровывают послам их экзотические названия. Постепенно разговоры становятся все более оживленными, порой уже трудно расслышать, что говорится на противоположном краю общего стола.

Между тем начинается подготовка к кульминационной части нынешнего торжества — официальным выступлениям. На столах рядом с приборами раскладываются заранее отпечатанные тексты речей. В.С. Толстиков вместе с переводчиком сразу же, забыв о еде, углубляются в их изучение. Особенно тщательно исследуется международный раздел выступления китайского вице-премьера Чень Юнгуа, которому сегодня поручено приветствовать высокого гостя из дружественной Китаю страны третьего мира. Дело в том, что эта страна в последние годы начинает все больше ориентироваться на Пекин и предпочитает не замечать эксцессы его политики, в том числе демонстративную враждебность к Советскому Союзу. А поскольку в качестве спикера с китайской стороны будет выступать политик, тесно связанный с левацкой группировкой, можно с высокой степенью уверенности предполагать, что, проигнорировав дипломатические приличия, он не постесняется публично обрушить на Москву очередную порцию грубых обвинений. Ну а советскому послу в свою очередь предстоит в считанные минуты, остающиеся до начала выступления, определиться с реакцией на ожидаемые его речи конкретные пассажи.

По большому счету в подобной ситуации неизбежной публичной вербальной атаки на твою страну со стороны хозяев приема приходится выбирать один из двух вариантов поведения. Можно вообще проигнорировать китайские инвективы в адрес твоей страны, сделав вид, что ты выше того, чтобы реагировать на них ввиду их очевидной абсурдности. Разумеется, в таком случае придется пережить несколько мгновений внутреннего напряжения, которое желательно постараться максимально скрыть от внимания окружающих, — ведь среди них далеко не все на твоей стороне, — есть и откровенно зло-

радствующие и враждебно настроенные. Другой вариант —отреагировать так, чтобы и китайская сторона почувствовала себя некомфортно, заставить ее пожалеть о допущенной бестактности и, возможно, побудить впредь воздерживаться от подобных выпадов или по крайней мере снизить их градус. То есть прибегнуть к такому имеющемуся в дипломатическом арсенале крайнему средству как демонстративный уход с протокольного мероприятия. Разумеется, пользуются этим приемом в самых исключительных случаях, когда оставленное без ответа сознательное унижение твоей страны либо тебя лично рискует обернуться серьезным репутационным ущербом.

Казалось бы, можно, заранее предвидя возможность оскорблений, под каким-либо предлогом уклониться от личного участия и направить на прием вместо себя одного из старших дипломатов посольства. С учетом его менее высокого статуса по сравнению с послами он будет посажен организаторами не на виду, не в первых рядах, а за один из столов где-то в отдалении от сцены и его присутствие будет не столь заметным. Однако в том случае, если посол находится в Пекине и у него нет очень весомых причин не посещать прием (скажем, болезнь или работа с высокой делегацией из своей страны), такое решение может быть расценено в первую очередь как признак слабости. Неоднократный же пропуск подобных торжественных мероприятий для посла недопустим. Вообще проигнорировать приглашение и никого не посылать вместо себя —самый плохой вариант, поскольку это однозначно будет воспринято как сознательный недружественный жест в адрес не только китайских хозяев, но и зарубежного лидера, в честь которого устраивается прием.

В.С. Толстиков определил для себя следующую линию поведения: на приемы ходить самому и в случае, если в приветственном выступлении китайского руководителя в адрес иностранного гостя при оценке ситуации в мире будут содержаться всего лишь дежурные упоминания о происках абстрактного социал-империализма, напрямую не привязанные к политике Советского Союза, воздерживаться от какой-либо реакции и прием не покидать. В случае же прямой атаки на СССР или КПСС, либо озвучивания не оставляющих сомнений в своей адресной направленности развернутых маоистских пассажей типа «социал-империализм, повсюду протягивающий свои щупальца, нагло вмешивающийся в дела других государств, стремящийся погубить Китай», — демонстративно покидать прием в знак протеста. Таким образом для китайского руководства обозначалась бы «красная линия» — либо сохраняйте в своей риторике хоть какие-то рамки, либо, если вы эти рамки переходите, — будьте готовы к тому, что вас и ваших гостей поставят в неловкое положение.

Сегодня, судя по розданному тексту выступлений, китайские хозяева в разделе, характеризующем международную ситуацию, избрали вариант достаточно прозрачной грубой развернутой атаки на Советский Союз, пусть и не называя его по имени. После некоторых колебаний, взвесив все за и против, В.С. Толстиков принимает решение уйти с приема. Для того, чтобы ни у кого не осталось сомнений в мотивах подобного демарша, демонстративный уход должен последовать сразу же после того, как китайский вице-премьер озвучит соответствующий пассаж. В.С. Толстиков просит сопровождающего его дипломата шепнуть ему на ухо, когда это произойдет. При этом последний должен, разумеется, удостовериться, что выступление в последний момент не претерпело изменений в сторону смягчения. К этому времени уже и остальные присутствующие в зале иностранные послы успевают ознакомиться с текстами выступлений и с растущим, но тщательно скрываемым возбуждением принимают исподволь внимательно следить за реакцией своего советского коллеги. Напряжение, похоже, передается и выходящему к трибуне главному китайскому лицу. Завязывающаяся на глазах интрига с пока еще не ясной для всех, кроме советского посла, развязкой резко меняет атмосферу в зале. Царившее до сих пор скучное безразличие сменяется чуть ли не спортивным азартом. Некоторые западные дипломаты даже начинают заключать пари на то, уйдет или не уйдет со-

ветский посол с сегодняшнего мероприятия. Пожалуй, единственной группой иностранцев, сохраняющих полную безмятежность, остается прибывшая с визитом делегация дружественной страны «третьего мира» во главе со своим темнокожим лидером, который, в своих экзотических одеждах, продолжает пребывать в полной уверенности в том, что именно он остается центром внимания на этом роскошном приеме.

Наконец наступает кульминационный момент — китайский вице-премьер появляется на трибуне, приветствует собравшихся и начинает на китайском языке с нарочитым пафосом зачитывать приветственное выступление. Его речь, усиленная микрофоном, в наступившей мертвой тишине отчетливо звучит в огромном зале. Ее не сопровождает перевод, поскольку отпечатанный заранее текст на китайском, английском и французском языках находится на столе перед каждым из присутствующих. Содержание приветствия выдержано в стандартных формулировках пекинской пропаганды — обстановка в мире характеризуется нарастанием борьбы стран «третьего мира» и Китая против политики диктата и гегемонизма. В этом контексте озвучивается пассаж с выпадами против политики Советского Союза. Никакой коррекции он не претерпел. Переводчик тихо, наклонившись к послу, сообщает ему об этом. В.С. Толстиков без колебаний — решение уходить было принято ранее — немедленно приступает к отработанной до малейших деталей и не раз уже проделанной в прошлом протестной демонстрации. Всем телом ощущая сконцентрировавшееся на нем внимание зала, он подчеркнуто вежливо приносит извинения сидящим с ним за столом послами и их супругам, сообщая, что как посол Советского Союза не может оставаться безучастным к только что прозвучавшему из уст китайского руководителя пассажи и вынужден немедленно покинуть прием. Китайским протокольщикам — соседям по столу, безмолвно цепенеющим на своих местах, Василий Сергеевич лишь холодно кивает на прощание. Стараясь сохранять абсолютное спокойствие, он отодвигает от себя столовые приборы, кладет на скатерть салфетку и медленно встает из-за стола. Затем, не глядя по сторонам, в сопровождении переводчика начинает демонстративно медленное дефиле по направлению к выходу, умышленно выбрав для своего движения отлично видимый отовсюду проход мимо трибуны с выступающим китайским вице-премьером, который, краем глаза следя за советским послом, продолжает зачитывать свою речь, напряженно стараясь не сбиться и сохранить самообладание.

Невысокая плотно сбитая фигура В.С. Толстикова, уверенно и даже несколько торжественно выдвигающаяся в единственное ярко освещенное пространство зала, в эти мгновения приобретает особую внушительность, превращаясь в никак не предусмотренное китайским сценарием главное действующее лицо государственного приема, концентрирующее на себе все внимание и кардинально меняющее алгоритм происходящего. Присутствующим китайским и иностранным представителям эти мгновения должны казаться вечностью. Ну а для Василия Сергеевича его демарш становится небольшим реваншем, пусть с привкусом горечи, но все-таки реваншем, позволяющим в, казалось бы, абсолютно проигрышной ситуации не только сохранить лицо, но и достаточно болезненно уязвить беспардонно шельмующих твою страну хозяев приема. Причем сделать это в допускаемых дипломатическими правилами рамках в разгар государственного приема в главном зале китайской столицы на глазах у сотен высокопоставленных иностранных представителей! Ему, прошедшему войну человеку, в эти минуты вполне могли вспомниться слова о том, что «и один в поле воин».

Василий Сергеевич проработал в Пекине еще около трех лет. Он стал свидетелем ухода из жизни Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая и вслед за этим — бесславного конца китайских радикалов, которые успели все-таки до своего ареста организовать против Советского Союза громкий террористический акт — взрыв у ворот возглавляемого им посольства. На праздновании 60-летия Октябрьской революции его гостем на государственном приеме в посольстве впервые за долгие годы стал министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. Это, естественно, вызвало ажиотаж у западных дипломатов, которые после

ухода министра атаковали Василия Сергеевича вопросами о том, не означает ли посещение посольства столь высокопоставленным представителем китайского руководства начало нового этапа в отношениях двух стран. В ответ прозвучало: «все течет, все изменяется». Однако стать свидетелем изменений к лучшему Василию Сергеевичу на своем посту не удалось — слишком сильно разделили две страны пролитая на границе кровь и годы сознательно культивированной вражды.

На прощальной беседе с китайским руководством накануне окончательного отъезда из Пекина посол настойчиво вопрошал собеседников: «Что мне передать руководству моей страны? Как нам сообща добиваться восстановления двусторонних отношений?». Такая настойчивость вызвала лишь раздражение — ведь серьезный настрой на нормализацию у Пекина в то время отсутствовал, первоочередной была задача поскорее сблизиться с Западом. Все попытки В.С. Толстикова добиться ответов по существу встречались упреками — дескать не стоит при прощании говорить на столь серьезные темы, это не уместно для протокольного по существу визита. Атмосферу окончательно испортил неожиданный конфуз — из стоявшей на столе вазы с фруктами выпал спрятанный там микрофон, — новое китайское руководство продолжало держать «под колпаком» все контакты с советскими представителями.

Прошло три десятилетия. В Пекине проходит очередной саммит Шанхайской организации сотрудничества. В составе российской официальной делегации в его работе участвую и я. Местом пленарного заседания выбрано здание китайского парламента на центральной площади китайской столицы. Участники по красивым мягким коврам проходят в огромный конференц-зал и рассаживаются по закрепленным за каждой делегацией местам. После суеты первых мгновений удается оглядеться по сторонам. И вдруг появляется ощущение, что мне когда-то давно уже доводилось бывать здесь, причем не один раз. Вновь внимательно смотрю по сторонам. Да, это тот самый зал, где проходили торжественные приемы в честь высоких иностранных делегаций, на которые в середине 70-х гг. прошлого века мне в качестве переводчика доводилось сопровождать посла Советского Союза В.С. Толстикова. И вместе с ним демонстративно покидать зал в тех случаях, когда в адрес нашей страны звучали оскорбления. Подумалось: как все изменилось в отношениях с Китаем! Теперь мы не заклятые враги, а самые что ни на есть стратегические партнеры. Какой фантастический поворот за сравнительно короткий по историческим меркам срок! В памяти же как напоминание о прошлом отчетливо всплывает фигура моего первого в долгой дипломатической карьере посла, с высоко поднятой головой на виду у огромного заполненного гостями зала покидающего государственный прием, наглядно на собственном примере показывая, как должен вести себя представитель великой державы в ответ на грубые нападки в ее адрес.

**Knowing How to Leave Gracefully.
In Memory of the USSR Ambassador to the PRC (1970–1978)
Vasily Sergeevich Tolstikov**

Leonid Petrovich Moiseyev

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (retired). E-mail: leonidmoiseev1948@yandex.ru

Received 18.03.2025.

Abstract:

In this article, the author describes events that took place in the mid-1970s of the last century. At that time, he worked as a translator of Chinese and English and accompanied the USSR Ambassador to China, V.S. Tolstikov, to official receptions held during visits to Beijing by high-ranking foreign delegations. Following the XX Congress of the CPSU in 1956, relations between the two socialist states had significantly deteriorated, which also impacted the work of diplomatic missions. At the height of the Cultural Revolution, amid rampant anti-Soviet propaganda, these events were often used by the Chinese side to launch crude attacks on Moscow's foreign and

domestic policies. In such cases, the ambassador faced difficult decisions: either to ignore Chinese aggressive attacks against your country, maintaining composure in the face of its absurdity, or to demonstratively leave the event, thereby placing the Chinese hosts in an uncomfortable position in front of the arriving guests. V.S. Tolstikov performed such demarches artistically, gaining sincere respect in the diplomatic corps. Several decades later, at the summit of the Shanghai Cooperation Organization, as part of the Russian official delegation, the author finds himself back in the same hall of the National People's Congress, where he witnessed the courageous behavior of the Soviet ambassador. But this is a completely different era, an era of unprecedented level of Russian—Chinese cooperation, to which Soviet Ambassador Vasily Sergeyevich Tolstikov had meaningfully contributed.

Key words:

Beijing, Cultural Revolution, USSR Ambassador, ongoing hostility, official receptions, harsh remarks, demonstrative exit, courage and composure.

For citation:

Moiseyev L.P. Knowing How to Leave Gracefully: In Memory of the USSR Ambassador to the PRC (1970–1978) Vasily Sergeyevich Tolstikov // Far Eastern Studies. 2025. No. 2. Pp. 131–139. DOI: 10.31857/S0131281225020095.